

БОЛЬШИЕ СТИХИ И МАЛЕНЬКИЕ ПОЭМЫ

М И Н С К А Я Ш К О Л А

Дмитрий Строчев

Большие
Стихи и
Маленькие
Поэмы

НОВЫЕ Мехи
МИНСК 2019

Алексею Захаренкову

я всё же буду говорить стихами
а нестихами говорить не стану
мне скучно – не стихами не стихами
мне любо потому что рифмовать

стихами говоришь – поёшь как будто
как будто птица ты – летишь куда-то
летишь поёшь – и Бог тебе навстречу
и Бог с тобой – и ты один за всех

и ты один за всех пред Ним в ответе
один – за безнадёжных и надёжных
один – за безъязыких и языких
один как перст – и с Богом говоришь

и с Богом говоришь как с первым встречным
о том что люди – нелюди как прежде
как прежде – и бездомны и бездумны
и дыма нет – как прежде – без огня

а на дворе стоит тысячелетье
в Париже и Багдаде всё спокойно
всё там же собираются калеки
всё так же распрягаются ослы

и всё такие ж у прохожих лики
и всё такие ж у народа песни
и за такие речи – всё такое
и спасу нет и надо бы сказать

и смысла нет на этом белом свете
и то и это видеть в чёрном свете
делить природу на Восток и Запад
и смысла нет и надо бы сказать

и Бога нет на этом белом свете
и надо бы сказать Ему при встрече
что Бога нет и Духа нет и Сына
которому хотелось бы сказать

которому хотелось бы доверить
свои несовершенные суждения
о непостижной тайне мироздания
о творческом устройстве бытия

которому хотелось бы при встрече
которому хотелось бы стихами
которому хотелось бы доверить
которому хотелось бы сказать

я всё же буду говорить стихами
а нестихами говорить не стану
мне скучно – не стихами не стихами
мне любо потому что рифмовать

1989

Алексею Захаренкову

скажем, в орла
попадает стрела
или коса на камень нашла
или нашла коса на камень
хочется в рифму сказать: каблуками
или не в рифму сказать: посошок

рыбку посадишь в цветочный горшок
кудри отпустит, от рук отобьётся
то подавай ей густой гребешок
то подпевай ей, когда распоётся
и потакаешь – а что остаётся

льётся вино
виноградной строкой
счастье дано
и оно под рукой

сетовать совестно, комплексовать
ямочку прятать в бородку петушью
лучше в альбоме коня рисовать
белой свечой, несмываемой тушью

или отломаются велосипеды
высыпать в поле, попить из копытца
хочется в рифму сказать: на раздолье
и не толпиться, и не торопиться

между собой ни о чем говорить
время терять, материть президента
или с друзьями ковчег мастерить
или не в рифму сказать: будь что будет
нынешним утром кто нас разбудит

катенька тенькает
дяденька тренькает
на балалаечке
бьёт барабан: т а р а б а м

рыбка, а срежется чуть каблучок
букой посмотрит, сожмётся, отчаётся
идёт бычок, качается
дичится дурачок

нет бы учить
иностранную речь
раны лечить
и патроны беречь

бодро светает – тбилисский петух
дивно ревёт, простота ерихонская
удаляется звёздный пастух
голова улыбается конская

1990

Ольге Седаковой

давай собирать слова и строить дом
возьмём разговора ковёр тарабарский
узорок речи
дикарский могучий глагол
гул-гомон имён, весь гагачий
весь галочий, птичий базар человеческий

уйдём с головою в окно слуховое
выю выгнем
ухо выгоним в сад
в чирк и щебет сокровищ ярчайших
в гвалт и цвирк сладкогласных вещей
в громыханье и цокот, в техканье и сопенье
шаек, лампочек, розог, фуфаек
карамельей, циновок, жаровен, вагонов, колец
да поди всех привады, приручи, обвенчай, пожени
дай из блюдца умыться водой
перед книгой стоять молодой

власогласый орет букварь на цветущих корнях велимира
кристаллический щёголь к нему говорит, мигочей
имяходцы они, неботроги они, храмодей
реченосцы они на голодных тетрадных полях

черно-белая книга шумит
черноплодная книга горит
белогривая книга говорит

что за птицы, за птицы в винограднике ближнем клюют и поют
сад так чудно устроен, как флейта, он полон ветвями и пуст
каждый куст обитаем, огромен-укромен, исполнен и ягод, и птиц
есть гнёзда, есть гроздь – здесь комнат не вьют
твой труд неуместен, строитель
здесь птицы темницы не строят, но даром клюют и поют

мы на свадьбу призвали слова, из красивых камней
мы нестрогую книгу сложили, отвесную реку
вниз по камешкам мчится нестройных речей борода
дом, как дым, не стоит – он, как сон законный, теснится
в нём строитель бездомный перед садом бездонным молчит

1994

ЗВЕРОНОСЕЦ

ОНО
первый крик

Оно с малолетства могучее здание, –
Тело всё заполнило сознание!
Оно, как лавина, по склону летело,
Оно, как вершина в долину, глядело!
Бывало сверстники гурьбой в него стучат, –
Оно сокрушает детей, как рычаг!
Рычат поверженные и слезами прыскают,
Тело проклиная богатырское!

Как граф Толстой хватал руками ядра,
Юность прошла на столе бильярда!
Метался пленный дух, как шар, во тьме, –
В огне неистовых желаний!
Оказался незрелый мечтатель на дне,
В кругу сомнительных собратий!
Подростки бездельничали, пировали,
А также распутничали, воровали!

Девочка играла на рояле,
Занималась с учителем музыкой,
Ездила с уроков на трамвае,
Возвращалась тропинкою узенькой.
Тело на бедняжку навалилось
И беззащитным хмелем насладились!
Побежали домой, презирая возмездия гром, –
А дома – на столе – закрытый гроб!

Мама! Я к сердцу твои прижимаю кусочки, –
Твой блудный сын дошёл до точки!
Убийца я твой у раскрытого гроба, –
Ты молчишь, голубка, черноброва!
Мой чёрный грех тебя навеки перерезал, –
Тот скорый поезд, что летел по рельсам!
Затянулась петлёй воровская малина, –
Отныне не жизнь – а могила!

Ужасный странник шёл куда глаза глядят, –
Пускай убивают, если хотят!
И там в блужданье, как всегда бывает,
Настала смертельная вежа:
Слёзы на грудь проливая,
Он встретил Глиняного Человека!
Как, встретив идола страшней себя,
Не обезуметь, выйдя из себя!

Исполин рос, как труба ТЭЦ!
Из расщелины полз, как удушливый дым!
И я встал в полный рост перед ним,
Чтобы стоя встретить конец!

Но мистический холод сковал грудь,
Заметались птицы окрестных роц!
И тут застонал я во всю мощь!
Расколослся горшок на тысячи груд!

С тех пор неотступно Он гнался за ним,
Греха могильный страж из глины.
И криком он Их поражал одного за одним,
Бессмертных идолов могилы!
Уже не мог он ни есть, ни спать, –
Истукан возвышался все ближе и ближе,
Отбирая за пядью пядь
Из того, чем душа дышит!

И только когда незримо
Выходила из гроба мама
И грудью кормила сына,
Зарастала смертельная рана
И редели клочья дыма.
Так однажды родная сказала:
«Найди, сынок, обитель,
Чтобы слепыми глазами
Тот горшок тебя не видел.
Мой мальчик, стань монахом,
Надень на живот моё имя.
И Бога славь со страхом,
И Веру носи перед ними!»

С КОТОМКОЙ
второй крик

С горки на горку – пешком –
Шёл детина с полиэтиленовым мешком!
Он нёс в мешке заплечном не подарки,
Которые дети увидеть хотят, –
А половинки и останки
Раздавленных котят!
Там были судеб золотые обломки:
Цыплята, ёжики, болонки!

«Куда ты несёшь этих кошек вонючих?!» –
Ему с гримасой говорили:
«Ты теперь уже не мучь их,
Их навеки уже задушили!»
На это звероносец отвечал им:
«Молчите! – они вас услышат.
Как в утробе, за плечами
Младенцы невинные дышат!»

«Ты где-нибудь на пустыре
Зарой это скопище гноя и смрада!»
«Нет, деток ждут в монастыре, –
Им в Раю успокоиться надо!»
Так, назойливых мух отгоняя,
Он шёл, вокруг глазами рыская:
Не это ли Ворота Рая?
Не ограда ли тут монастырская?!

А вот что видела однажды
Стюардесса в ночном самолёте:
Комары, обезумев от жажды,
Лакомились телом на болоте!
Оно, как живая свеча пред иконами,
В болоте голое белело, –
Как войлоком, объято насекомыми,
От укусов яростных горело!

Комариков целое войско хлопочет, –
Пьёт хмельную кровь, попивает,
А могучее тело хохочет, –
Ничуть его не убывает!
Тут раздался бычий рёв:
«Почему я торчу здесь ночами?!
Вы напрасно пьёте мою кровь, –
Оно веселей, чем вначале!»

У СТЕН ОБИТЕЛИ
третий крик

За оградой белокаменной –
Вековая стоит тишина.
Иноки, впустите Каина, –
Раскаянья чаша полна!
Ноша у него многострадальная –
Дохлых кошек полная мошна!
Есть ещё одежда тайная –
Нательная Вера одна!

Тут из ворот выходит старец,
Благообразный и седой.
С ним послушник идёт молодой,
Крутя ногой вертлявый танец!
Скиталец на колени опустился,
Православный народ расступился:
Смотрели все на сцену у ворот,
Разинув рот!

То, что ветхий схимник тихо молвил,
Было – гром и молния!
«Котомочку, – сказал, – клади у входа
И с Богом входи, за порогом – свобода!»
Как будто на слона наехал самосвал,
Так за спиной мешок забушевал!
Обезумели от гнева и обиды
Те, что машинами были убиты!

Кульгавый послушник ослабился гнусно!
Так захотелось сбросить груз, но
Смотрели десятки восторженных глаз,
Как подлец зверей предаст!
Но в этот день у стен святой обители
Позора не видели!

Старец крестом осеняет поклонников
И сгорбленной походкой удаляется, –
Звероносец изумляется:
«Нельзя малюткам спать без гробиков!»
Потом вскочил единым махом
И в двери с мешком – за монахом!
Но кто-то ему заступает дорогу,
Волоча хромую ногу!

«Не стой на дороге, послушник-Иуда!
Будет из тебя кашашек гряда!»
И, схватив его в охапку
Богатырской рукой,
Швыряет в кудрявую травку,
Как тряпку, его под стеной!

Тут увидел я рисунок на стене:
Смотрели покорно глаза,
Как черти лютуют во мне, –
А по щеке текла слеза!
Я росой-слезой умылся,
А сердце опомнилось: Бог!
И, как часы, остановился
И сдвинуться с места не мог!

Не помню: вывел меня кто-то
Или я выскочил сам,
И сколько дней потом без счёта
Я кружил по окрестным полям,
О еде-питье не тоскуя,
Тот искренний образ храня,
И неистовым сердцем ликуя:
Мой Господь, Ты призрел на меня!

В РАЮ
четвертый крик

Ещё до мороза успел я!
В середине ноября
Он жил среди монастыря,
И была у него своя келия!
В ящиках, за мусоркой, укладкой
Вера дом соорудил, –
Деткам он делал кроватки,
А потом ночами хоронил.

Однажды после похорон,
Когда по-над лесом светало,
Под клик разбуженных ворон
На тесном ящичке мечтал он:
Никто, никто меня не выманит из Рая
Туда, где ловит Глиняная Башня!
Здесь, на святой земле Израиля,
Ничего мне не страшно!

Расцветает утро колокольное,
Уже поклоны бьёт честная братия...
Все ближе змея подколотная
Ползла, источая злосмрадие! –
Пока он ютился на ящичке,
Красотою умиляясь,
Уже послушник в красном ватничке
Стоял за спиной, ухмыляясь!

Он сперва подкрался хитро,
А потом зашипел, как ехидна:
«Наконец-то, – зашипел, – я тебя выследил,
Вот ты где, чародей, прячешься!
Много, чай, чертей наплодил?!
Ты за всё теперь расплатишься!»
Заныло сердце, как птичка в клетке:
Сладко петь не в тюрьме, а на ветке!

Отвечаю я ему: «Братушка!
В Гомеле живёт моя матушка.
Матушка частный домик продаёт,
А денежки в монастырь отдаёт.
Можно я ещё поживу –
Материнских денег подожду?
Можно я ещё помолюсь,
А потом с тобой поделюсь?»

Послушник алчный на приманку клюнул,
Хотя сперва не дал ответа,
А только смачно плюнул!
Потом возвращается после обеда:

Принёс от трапезы объедки
И две конфетки,
Ещё православную литературу:
Про Антихриста брошюру.

«Это не книга, – сказал, – а граната!
Читай, пока есть время. Надо,
Чтобы русский народ просвещался
И с жидами не общался!
Сердца людей закрыты на засовы, –
Славяне забыли о Боге!
А Папа Римский и масоны
Строят на Руси сигоги!»

Как своенравная река,
Ярсья, глотает рыбака,
Порвалась послушания плотина –
Уже послушник в пасти крокодила!
Чтоб долю увеличить в дележе,
Он на престольный крест принёс уже
И два кадила!
Потом ещё новёхонькую рясу,
Монахом не надетую ни разу!

«Когда, когда твоя приедет мать, –
Долг растёт день ото дня!
Каждый миг тебя могут поймать, –
Терпения нет у меня!»
Вера руки складывал в мольбе:

«Трепещет и хиреет враг,
Когда гурьбой бредут монахи в киверах!
Хочу такую башенку себе!
Найди мне, что стоит тебе!»

Всё ближе дикая развязка –
Блеснуло лезвие ножа! –
Послушник страстный послушание
Мне отдаёт, душой не дорожа!
Большие караваи хлеба
Он в нору ко мне приносил,
А я ножом, как бритва острым,
Хлеб на кубики крошил.

Он носит и носит мешками
На кухню кубики мои,
А там послушники сушили
Для братской пользы сухари!
А я слезами умывался,
Так счастлив братии помочь,
Пока проклятье не свершилось –
Совершилось в кромешную ночь!

Луна не решила на небо, –
Природа замерла от страха!
Зверское убийство совершилось
Под покровом мрака!

Выполнив ночное послушание,
Беспомощно лежало тело на полу,
Лишь сумрачно мерцало на обрезках хлеба
Полотнище ножа в углу!

Как вдруг испуганная мама
К большому телу подошла
И сына будила упрямо,
Но добудиться не смогла!
Как вдруг послушник вероломный
Стоит над телом с топором,
И вот, рассудок поборов,
Вонзает он топор огромный!

Очнулось могучее тело, –
Булатный нож в руке! –
И кончено мокрое дело,
Вера заревел в тоске!
Вздрогнули иконы на стене!
Вздрогнули насельники во сне!
Так было по весне
В мужском монастыре!

БОЙ С ТЕЛОМ пятый крик

Пока гниют обугленные ноги,
Я снова пою вдохновенные строки:
Ещё убийство помнила рука,
Вера в чистом поле встретил петуха!
Навстречу идёт горделивая птица, –
Уныло пятится убийца!
Готов в сырую землю от стыда
Он зарыться навсегда!

«Орехи, горох! – говорит петушок, –
Веру предал вещмешок!
Всё из-за кошек ошалелых,
Что вечно летят под колёса!
Если б Вера не жалел их,
Не было б вопроса!
Украсил бы хор монастырский
Послушника рёв богатырский!

Два путника, петух и человек, –
Богатырь и птица! –
Теперь хотят вдали от всех
На планете пустой поселиться!

Чужд им глупый смех, –
Кто хочет, пускай веселится!
Они задумали навек
От юдоли земной удалиться!

Вдали от кошек и собак
Будем свой курить табак
Без мук собачьих! А пока
Петух достанет червяка
Из твоего колена,
Будто из полена!»

Пропел: «Затравим червячка!»
И вдруг железным клювом
Петух в колено клюнул!
Червяк в зубах у петуха!
Но это был не червь,
А человеческий нерв!
Человек под током!
Петух моргает оком!

«Очень сладкий червячок! –
Говорит, — Хочу ещё!»
Опять нестерпимая боль, но
Петух кричит довольнo!
Человек под током!
«Отчего же так жесток он! –
Вера не может решить, –
Если ты хотел дружить?!»

«Ах, гадина, смотри, что ты наделал!» –
Вера заревел в сердцах.
Волны снега синеют кругом,
Сияет простыня до горизонта.
А по краям белоснежной тарелки
Пеной закипает воротник.
И хлынула кровь песнопеньем,
И загремели кости боевые!

«Ах, гадина, смотри, что ты наделал!»
Такая началась потеха!
Плоты и лодки по волнам летят –
Осколки и обломки –
Людей, лошадей и котят!
Клочки, ошмётки, потроха
Летят могучей кучей в петуха!
Держит заяц кровавое знамя
Искорёженной рукой!

«Ах, гадина, смотри, что ты наделал!»
А хищная птица шипит:
«Ко мне, ко мне, мои котлетки!
Люблю вониючие объедки!»
Он клювом толкает Луну
И шипит: «Люблю войну!»
И полк за полком –
Всю лавину глотает целиком!

«Ах, гадина, смотри, что ты наделал!»
Пуста кровавая поляна,
Только зайнык с флагом стоит,
Но это не заяц, а мама!
Мама, мама! Коленка болит!

А петушок-мерзавец
Не знал, что мама, а не заяц!
Не знал, что мама у меня –
Броня!

А я как крикну: «Мамочка!
У меня на щеке ямочка!
Это я, твой сынок родной!
Я не знаю, что со мной!»

«Да, я мать одного мальчугана, –
Тихо ответила мама, –
Когда ещё его носила,
Я у Господа просила
Об особом даре слёз.
Моё моление сбылось!
Святые Ангелы сказали:
Твой сын умоется слезами.
Он слезами будет пьян,
Как Тихий океан!

А ты, Пустая Глина,
Мне не заменишь сына!
Как ты высох от греха, –
Ты стал подручным петуха!
А ну пролей на гадину
Хотя бы виноградину!»

Оно стояло средь долины
С провалом рта, как край могилы! –
И только хруст и скрежет глины
Расслышать в тишине могли вы!

Оно хватало челюстями
Морозный воздух, как клешнями,
Но только змеи злого дыма
Ползли из жерла Исполина!

Оно хотело крикнуть: «Мама!
Я жертва подлого обмана!»
Но вместо крика грянул гром –
И рта захлопнулся сумбурный гроб!
А из могильной тёмной ямы
Не докличешься до мамы!
Но, чу! На дне сухом колодца,
Я чую, будто мышь скребётся!

Как будто кошка лапкой трогает,
О стенку мягкой шёрсткой трётся!
И только я помыслил: Бога нет!,
Как чувствую: сейчас Оно взорвётся!
Как жаба, вспучилась утроба,
Родильный разошёлся шов:
Слезой Всемирного Потопа
Наружу вышел вещмешок!

Росинкой полиэтиленовой
В Долину Смерти он упал!
И разлетелась по Вселенной
Пустого тела скорлупа!
Ещё дымятся на планете
Амбала чёрные куски,
Но зашумели, словно дети,
Зверей деревья и кусты:

Стволы – слоны!
Кроны – коровы!
Суки – барсуки!
Листья – лисы!
Цветы – коты!

Как небо, ширится рыданье!
Растёт дремучий Сад Зверей!
И солнцем праведного гнева
Слеза сверкает меж ветвей!
А на листочках, на цветочках
Душа и Вера танцевали! –
Они на ножках, на ладошках,
Как солнца зайчики, играли!
Кто был калекою в аду –
Стали ветками в Саду!
Кто пылился обломками –
Стали сильными и ловкими!
Кто был культяпка и костыль –
Покрылись волосом густым!

А петушка и след простыл!

1999

ЛОСКУТНАЯ ОДА

сорочий хвост Скорины
избой прищемлен
первочитальня
плазменная друза
ещё с тобой под груздем почитаем
на трясанке

а скатерть лобная
хохлатка
палаточных птенцов не удержала
державя-птичница в подоле унесла
оранжевых цыплят

окрест теперь пестрят

а нам оставлена палатка не палатка
почтовый камень угловой
куриной памяти закладка

с позором
изгнан
сплин
в клубах цементной пыли
отбойные читают молотки
хромую смету первой полосы
и на берёзках выросли усы

привстав на цыпочки
с недетской крутизны
за парком наблюдает колесо
бери покруче
уже до солнца нам рукой подать

внизу ещё ребячатся сады и рощи
помилосердствуйте
цыганщину поразвели
рассыпали кругом платки да тряпки
червонобелые

русалочки мелькают пятки
им всё бы салочки да прятки
а впору о порядке порадеть

им скучно
но за уборку
намылить ворот
пропесочить город
уж на вокзале веник и метла
с перрона прочь сомненья
скатертью дорога
цветные господа

да хорошо бы реку приподнять
за краешек

чтоб кровь бойчее потекла
как в Слове
на Немизе
уже как медленно
ещё поторопить

поломана зимы указка
подтаяла морозная халва
напрасны ледовитые посулы

нагие выбегают первоцветы
на прежние вельможные катки
вмиг
песнопением холмы раздеты
танцуют белые да алые цветки
сады не вымерзли
вы слышите
всего нужней живым
хвала и ласка

пасхальный свет слегка рассеян
и от избытка близорук
а ветер на осинах зелен
и голосует лесом рук

глашатаи мертвецкой воли
занозой в голубом глазу
сморгнуть занозу
прослезиться что ли

кусачий норов хуторской
не спросят вора
кто такой
за око спросят око
всё проще
в поле и в лесу

квартал берёзового сока
немного мутноват
над крышами дрожит осока
курится мат

чуть не сошла с ума
сегодня видела сама
под окнами когорта марсиан
прошла

в скафандрах расписных
один из них
мне палочкой волшебной помахал
пришлец
нахал
сейчас бы от такого родила

оболган
сахарная голова
твой клейкий алфавит
он не слетает с языка
и в пылком сердце не горит
зато он всему свету говорит
заглавные слова
ты понял

учитель на пути в Ерусалим
захвачен на мосту виденьем Хама
такой же вырастает властелин
строитель храма
косая прядь упала из-под шлема
на совести студенты Вифлеема

мне скажут
победителей не су
и всё же
зарубите на носу

2006

ОТЕЦ И СЫН

я книгу книгу на столе оставлю для тебя
я книгу книгу для тебя оставлю на сто лет
она не бомба пистолет не бомба пистолет
ты будешь будешь в ней читать слова слова слова
слова слова зажгут зажгут твои глаза глаза
и сердце сердце разожгут слова слова слова
и звери звери побегут в твои глаза глаза
и реки реки потекут в твои края края
они без края разольют твои моря моря
а в сердце в сердце запоют сады сады сады
ты только книгу не забудь и не забудь меня
и в сердце в сердце сохрани и книгу и меня

а сердце сердце рождено бежать бежать бежать
а на скаку на всем скаку его не удержать

а рядом с книгой на столе стоят часы часы
и рядом с книгой на земле часы идут идут
и кто сильней и кто сильней и чьи шаги слышней
но ярче всех шагов земли слышны твои твои
твои твои шаги шаги слышны слышны слышны
и для тебя и для тебя все бездны зажжены
и все и все киты киты и все слоны слоны
в тебя малыш в тебя мой сын безумно влюблены
тебе лишь стоит захотеть лишь стоит захотеть
и всё и всё пойдёт пойдёт бежать бежать лететь
и ты и ты бежишь бежишь летишь легко легко
и на лету ликуя пьёшь свободы молоко

туда сюда туда сюда
бегут плывут бегут плывут
слоны киты слоны киты
слоны киты и чемодан
пардон мадам пардон мадам
я чемодан вам не отдам
зачем мадам вам чемодан
пардон мадам пардон мадам
а в нём а в нём слоны киты
слоны киты бегут плывут
бегут плывут туда сюда
туда сюда и чемодан

тебе тебе даны даны дары дары дары
все дни и ночи все пути и все миры миры
тебе тебе дано дано дары дары хранить
но для игры миры миры ты волен изменить
твой отчий мир твой нежный дом уже не дорогой
тебе заменит волчий мир тревожный сон другой
тебе откроют зеркала кривые зеркала
что нет меня добра и зла что чернота бела
когда шепнут тебе шепнут что больше нет меня
ты книгу книгу разверни у сердца у огня
ты книгу книгу разверни у сердца у огня
и в сердце в сердце загляни и обними меня

туда сюда туда сюда
летят ползут летят ползут
шары кубы шары кубы
шары кубы и барабан
пардон мадам пардон мадам
я барабан вам не отдам
зачем мадам вам барабан
пардон мадам пардон мадам
а в нём а в нём шары кубы
шары кубы летят ползут
летят ползут туда сюда
туда сюда и барабан

а если ты совсем забыл а если ты забыл
того кого ты так любил того кого любил
я не забуду всё равно и буду всё равно
и буду буду буду ждать как ждёт в земле зерно
и как зерно и как зерно я для тебя умру
а ты вернёшься поутру проснёшься поутру
а ты а ты бежишь бежишь летишь легко легко
и на лету ликуя пьёшь свободы молоко
тебе тебе даны даны дары дары дары
все дни и ночи все пути и все миры миры
и все и все киты киты и все слоны слоны
в тебя малыш в тебя мой сын безумно влюблены

ты книгу книгу разверни у сердца у огня
и в сердце в сердце загляни и обними меня
а сердце сердце рождено бежать бежать бежать
и на скаку на всем скаку его не удержать

2006

УПРАЖНЕНИЕ

Валентину Сильвестрову

вечереет жена
весела как вино
мы дрожим у окна
и смеёмся в окно

*

дорога чуть видна
до друга — далеко
вдруг — полная луна
разлила молоко

*

дом — на четырёх ветрах
там — на четырёх углах
мёд — на четырёх столах
тем — кому неведом страх

*

тянется
 тень
 от горы
плавится
 день
 от жары
режется
 сыр
 для еды
нежится
 мир
 у воды

*

далёкие костры
как лезвие
остры
да ближние кусты
как шествие
просты

*

на горах
воробьи
на морях
корабли

*

вечереет жена
дорога чуть видна
дом на четырёх ветрах
тянется тень от горы
далёкие костры
на горах

1 февраля 2010

АПОСТОЛ ВЕЩЕЙ

НИЧТО И МАРСИАНЕ
первый крик

Никак не чувствуя себя
Ничто нигде валялось,
И не мечтая ни о чём,
Ничему уже не изумлялось!

Ни мускула в Нигде пустом
Уже не шевелилось,
И не скучало Ничто ни о чём,
Что там ещё шебуршилось!

Ничто! Нигде! Ни чего
Никакое! Никогда! Не касалось!

Никакое! Вверхтормашки! Ни каким
Неживое! Вперемежку! Не животом!

Ни щекой! Ни каким! Ни угла!
Ни коленом! Ни какой! Ни овала!

Ни кололо! Не царапало! Не сучками!
Не давило! Не жало! Ни скобой!

Не стучало Ни по брюху Ни каким
Ни в висок! Не чесало! Не языком!

Не турецким! Не шептальным! Ни звериным!
Не армянским! Не кричальным! Не людским!

А телесным марсианским!
Тесным-тесным марсианским
Языком!

Ничто, неВера, не-монах
Не подавал не-марсианам –
Ни лопаткой, ни ключицей, ни ресницей –
Не ответный незаметный не-сигнал:

Ане! ане! марсиане!
Яна! яна! я на помощь!
Марсиане! ане! ане!
Я иду на помощь! омошь!

Немыслимо! Ничто не усомнится!
Некие неземные небожители! –
Не-гуманоиды никакие! –
Не имея ни рук, ни ног!
Ни уха, ни глаза, ни рта!
Незрячие! Немые! Неподвижные!
Ни шёпотом, ни криком, ни шевелением ни каким!
Нечто несусветно-небывалое –
Не скрыли! не замолчали! не солгали! не утаили!
Ни от Чего!

Когда мозги остановились,
Угасли мысли до конца,
Вдруг миллиарды открылись –
Вокруг внезапные сердца!
Сердца внезапно подступили,
Как разговор без языка,
Когда бессильно закипела
Кругом энергия-страна!

Вокруг поломанное счастье,
Кругом разбитая любовь!
Вокруг несказанная свалка, –
Кругом – энергия-страна!

Верстаканистры!
Кругом спрессованные смыслы!
Верстаки-стаканы-канистры!
Верстаканистры! –
Обесмысленные смыслы!

Вот так Ничто узнал,
Когда не умер – не когда умер,
Что подо мной не вулкан,
Не пирамида для мумий,
А груды марсиан!

Многоэтажный ужас
Не-пришельцев неземных,
Не похожих на туман – а похожих на стакан!
Не похожих на цветок – а на драное пальто!
Не похожих на льва – а на ломаный диван!
Без носа – марсианин – чайник!
Целлофановый – марсианин – пакетик!
Гондончик – марсианин – скомканный!

Вопросов целая гора,
НеВеру мучая, росла!
Целая куча добра,
А внутри – ни капли зла!

СВАЛКА ДРУЗЕЙ
второй крик

Ничто:

– Возлюбленные марсиане!
Я так хочу обняться с вами
И с каждым помириться!
И пускай весь мир ярится!
И пускай весь мир кругом хохочет
И просить прощения не хочет,
А я хочу мириться с вами,
Таинственные марсиане!

Не-монах:

– Мне подают свои звонки,
Простосердечные обмолвки,
Мыслекувшина черепки,
Корзиномыслия обломки!

НеВера:

– Марсиане, между вами
Валяться голеньким не стыдно!
Как не стыдно было в бане,
Когда у мамы тоже видно!
Хоть из вас торчат обломки
Или трещинки на вас,
Неприличные подонки,
Я в позор целую вас!

Марсиане:

– Потрогай нас, Вера!
И меня коснись, и меня!
Только дотронься,
Только коснись, Вера!

НеВера:

– Конечно, мои дорогие!
И ручкой, и спинкой,
И щечкой, и пяточкой,
И писечкой, и попкой, –
Всех приголублю и пожалею,
Всей шкуркой прильну!

Не-монах:

– Квадрат мой, холодильник «ЗИЛ»!
Ууу, брат мой! Как же ты красив!
Украдкой долгих лет и зим –
Ууу! – сколько ты наморозил!

Ничто:

– «Орлёнок», мой велосипед!
И весел путь!
И весело петь!
И весело падать!
Ты весил пуд!
И весь я под!
Весь в узел!
Струсил,
Бросил руль!
В пот – и плакать!
Локоть свёз!
Весь мокрый!
Обод восьмёркой!
Руль облез!
Повод для слёз!
Сел.
Слез
И сел снова.
И весел опять.
И весело петь.
И весел путь.
Веселопед-подранок.
Велосипед «Орлёнок»!

Гул марсиан:

– НеВера! Вера! Наши груди
Бездыханно ждут ответа!
Как взволнованные груди,
Ждут родного человека!

НеВера:

– Но весь помойный матерьял
Я заштопать не могу! –
Я иголку потерял
В этом праздничном стогу!
Маленький марсианин:
– Я в таинственный родник!
Я – гондончик! Я проник!
К тесной нежности двоих
Всей резинкой приникая!..
А в один прекрасный миг –
Нежность сильная такая!..
Я, с обоими ликуя,
Их блаженство разделил!
А потом узнал тоску я,
Стал какой-то пластилин!..

Ничто:

– Спасутся ли гондончики? –
Мучительный вопрос!
Родные неудачники,
Я мучаюсь о вас!

ЗАГОВОР НЕ-МОНАХОВ
(революционная ситуация)
третий крик

Не-пришельцы:

– Когда перегниют обиды
И вылиняють все цвета,
Когда останемся забыты
На Свалке Мира навсегда!

Не-гуманоиды:

– Когда последние помойки
Тайгой забвенья порастут,
Тогда – любезные потомки –
К нам археологи придут!

Они сердечными руками
Обнимут мёрзлые холмы
И разорвут слезами камень,
И к ним навстречу выйдем мы!

Марсиане:

– Из недр полками выйдем мы!

Не-монах (вдруг и в ярости):

– Что вы замерли от страха,
Как последняя бумага!
Да насупились, как рыба,
Накануне взрыва!
Вы не палка и не камень, –
Вы живёте на вулкане!
Так взрывайтесь облаками,
Марсианскими полками!
Забывайте про несчастья
Унизительных рабов, –
Выбегайте, как исчадья,
Из смиренных гробов!
Из разодранных, разбитых,
Уничтоженных вещей
Превращайтесь в людоедов
И зловещих палачей!
За увечье отомстите,
За бессилие во зле,
И засилье прекратите
Человека на Земле!

Марсиане:

– Знает маленькая рюмка,
Знают банка и стакан, –
Для расколотой посуды
Время движется не так!

Для расколотой посуды
Время движется назад
И внезапно возвращает
Все осколки в Райский сад!

Не-гуманоиды:

– Знают звонкие бокалы,
Разлетаясь на куски,
Что время их снова поднимет
И выронит из руки!

Не-пришельцы:

– И выпустит из руки!

Ничто:

– Так вставляйте на дыбы,
Бездыханные рабы!

Не-монах:

– Так вставляйте как дубы,
Как торнадо и цунами!
Разворачивайте знамя
Окончательной борьбы!

Эй, резина и пластмасса!

Эй, фанера и стекло!

Рвите кожу, режьте мясо,

Плюйте в каждое лицо!

Вас, резина и пластмасса,

Ждут кровавые дела!

Разорвите пучеглаза

На куски добра и зла!

Вы кровавое добро

Замените на фанеру!

Всё мучительное зло

Замените на стекло!

НеВера:

– Кто в рубашке и штанах,

А родился бос и наг?

Ничто:

– Кто в ракете и в избе,

А родился так себе?

Не-монах:

– Кто растлитель всех предметов

В омерзительной судьбе?!

НеВера:

– Кто мучитель марсиан,

Изнывающих от ран?

Не-монах:

– Кто божественных предметов
Отвратительный тиран?!

Марсиане:

– Мы, резина и пластмасса,
Мы, фанера и стекло,
Любим Веру и неВеру,
Любим жадно и светло.
Мы боимся шелохнуться
От надежды и любви,
Мы надеемся проснуться
С человеком на груди!

ТАЙНА БУДУЩЕГО ВЕКА
четвертый крик

НеВера:

– Кто ты, чучело, набитое
Поролоном или стружками?
Ты – животное убитое
С пёрышками или с ушками?
Или ты – такой предмет уже,
Словно кожаное кресло,
В ком живого места нет уже,
Чтобы взяло и воскресло?

Не-монах:

– Но кто бы тебя ни мучил –
Бог или человек,
Я лягу одним из чучел
Рядом с тобой навек!

Ничто:

– Но – от ярости сгорая –
Я подсматриваю в щель
И вижу за дверями Рая
Воскресение вещей!

Не-гуманоиды:

– Мы, резина и пластмасса!
Мы, Скрижали и Грааль,
Мы, терпенья ветераны,
Вдруг шагнём из самой ямы
К человеку прямо в Рай!

Ничто:

– Кому топор и стрел колчан,
Седло и шпоры,
А мне подавайте рычаг
И точку опоры!

Не-монах:

– Когда мы с братом-рычагом
Найдем такую точку,
Счастье хлынет ручейком
В вещей безнадежную бочку!

НеВера:

– Тогда мы с братом-рычагом
Смешаем мозг и кресло,
И вещество возликует кругом:
Дорогие, я воскресло!

Гул марсиан:

– Неужели ты не видишь
Всей куриной слепотой,
Что бледнеет вся бумага
На помойке перед тобой?!

Вся неистовая свалка,
Вся энергия-страна
В никакого не-монаха –
Как невеста – влюблена!

(НеВера слышит, как его целуют
Исступлённые сердца,
Как поцелуи сердец исцеляют
Не-слепые не-глаза!)

Не-пришельцы:

– Мы тебя, неВера, молим
Всем невероятным горем:
Ты раздвинь неверья щель, –
Стань Апостолом вещей!

Не-гуманоиды:

– Ты смотри! смотри! смотри!

Из помойки – изнутри!

Ты иди! иди! иди!

Из помойки – из груди!

Марсиане:

– Стань же нашими очами!

Всё, о чём с тобой молчали,

Ты достань со дна очей, –

Стань Апостолом вещей!

апрель 2011

ИЗУСТНОЕ КИНО

под Бышевом
 в Макаривском районе
подвыпивший блукает
 голова
он лапишей
 мулатку приобнимет
то мыкает
 под водку
 в микрофон
когда ещё
 мулатку да молодку
 обымешь-то
и где ещё

под Бышевом
 народные запруды
как пышные домашние
 борщи
кунаются чубы
 в густую ряску
и вязнут
 гайдамацкие усы

под Бышевом
 и я оделся
 в счастье
как старая клюка
 в цветы и листья
астматик и аллергик
 продышался
и сердце сердце сердце
 отпустил

*

послушайте
 взъерошенную птичку
что кубарем
 в кадрр
 влетает
и пёрышки в солнце
 купают
и
 с ножки
 на ножку
 переступает

послушайте
о ком она толкует
ты тут ты тут ты тут
она ликует
ты тот
кого философы
не знают
и плотными губами
пеленают
весёлый воздух

*

твой горизонт разбросан
распоясан
не вся стерня
затянута асфальтом
из-под ремня
топорщится камыш

за лесом
над холмом
пылает ящер
хитиновый
флуоресцентный
купол
он выжжет
око
плазменной
фольгой

привет привет
стихийное барокко
мы в Бышеве
мы съехали
с холма
ещё
немного
рваного асфальта
косого солнца
путаного леса
и мы
на месте

*

куда
куда ты
ветренная птичка
осталась в кадре
вечная собачка
она клоками ватными
линяет
и лапами
во сне
перебирает

*

скажи скажи
 когда вступаешь в вечность
скажи
 как будто лижешь
 батарею
и скоро
 кислота на языке

начала нет
 когда вступаешь в вечность

идёшь себе
 идёшь
 от
 остановки
немного в горку
 мимо магазина
читаешь на стене
 Христос воскрес
воистину воскрес
 отвечаешь
про себя

 настурции
 подсолнух
 над скамейкой
поющие фонтаны
 перед кухней
Филоненко легко сбегает
 Лида
 Георгий
вечность

 кислота на языке
без батарейки

 и
 посох в цветах
 в осах
 и
 шмелях

скажи скажи
 когда вступаешь в счастье

всегда всегда
 вступаешь
 без остатка

*

философы философы
постойте
ответьте
что-нибудь
птичке
возьмите
у
отца Дидье
по флейте
поверьте
полюбите
подуйте
как порох
морок
развейте
вот
первому мыслителю
шофар
спасибо вам
философы
ступайте

*

монах аббат
спевает
mille e tre

*
вот
Моцарта Сильвестров
нагоняет
вот крупный план
горстями сеют
воздух
стопами мнут
под соснами
песок

*

в исподней немощи
 в Осыкове
 в Мостыще
пасхальные свидетели
 твои
как дети
 обступают колесницу
за полы теребят
 возницу
будь ласка
 нам на свято
 в Колизей

какая на майдане
 Пасха
следят
 оглядка и опаска
поющих поезд
 в листьях и цветах
из войлочных
 тенёт

*

играйте
 на гитарах и бандурах
пойте
 на дудках и саксофонах
заморские
 профессора
 и
 богословы
под летним омофором
 Параскевы

когда
 взрезает
 воздух лекционный
свист новых крыльев
глас
 отчей славы

потом
 бесшумно в класс
 влетает
поп золотой
 студентам изумлённым
нам
 предъявляет
 горло Исаака
с копеечным
 крестом

крещёный подсыхает
 творожок
лицо
 спросонья
 морщится
 лучится
и
 на
 ресницах
 прыгает
 вода

26 декабря 2013

ПЕСОК И ВЕТЕР

где в ливонский песок царь-язык зарыт
на песочных часах городок стоит
янтарный
и ползёт караван хайвеем
и змеится конвой вайфаем
гуманитарный

гул над молом стоит
ленин в колокол перелит
по утрам лютеран веселит

мы взяли машу и андрея
наведать прадеда в либаве
из дюны выкопать еврея
обнять иосифа и анну
поймать ганзейский луч на куршу
австрийский мяч поднять на кунгу
где карл и пётр домами дружат

а
царь-ветер
им служит
и свитр
вяжет
и дышит
что хочет

где в либавский песок идиш-рай зарыт
на песчаных ногах юден-ад стоит
кромешный
и ползёт караван синаем
и змеится конвой енисеем
энкэвэдэшный

говори
где рождается ветер

во рвах расстрельных
и ртах оскаленных
шкеде

закипает в волнах и взрывается в небе
натекает тучей и настагает повсюду
всё вытесняет и замещает собой
гнёт и сминает зонты и кроны
всё мешает с дождём и песком
забывает глаза и уши

заушает
возмущает

разрывает
и раздувает ноздри
раздвигает и переполняет дома и умы
в сердца вселяется и веселится
собою тешит и тешится и не утихает

повтори
где рождается ветер

20 августа 2014

СЕСТРА СТРАНА

вы молоды
и с вами молода страна
погодок

одна из вас
её легко узнаешь сердцем

когда возьмёт разбег зелёный
хвойный
а там

рассыпалась в холмы
безмолвным Нёманом
смотреть
на облака

светла и счастлива
и явно влюблена
в кого из вас

читаю города
 местечки
 вёски
 входи в историю
 не отводи глаза
ты видишь у неё
 опалены ресницы
 но страха нет в зрачках
она вам верит
 в руке рука
 горячая
 держи
не слушай лжи
 сестра чиста
 и как весна свободна
не связана волшбой
 в зените
 пасхальных голосов
 она ликует
в Коложе совестной
 и в росицком костре

сестра
 страна
 когда на мове касаний жарких
 заговорит
с одним из вас
 с тобой одним
 как станешь отвечать
 из немоты
прислушайся
 как сердце тчэ
 и як тячэ павольна яна
 одна из вас
в руке рука
 горячая
 вы молоды
 и явно влюблены

24 февраля 2016

5	я всё же буду говорить стихами...
8	скажем, в орла...
11	давай собирать слова и строить дом...
13	ЗВЕРОНОСЕЦ
33	ЛОСКУТНАЯ ОДА
39	ОТЕЦ И СЫН
43	УПРАЖНЕНИЕ
47	АПОСТОЛ ВЕЩЕЙ
65	ИЗУСТНОЕ КИНО
77	ПЕСОК И ВЕТЕР
81	СЕСТРА СТРАНА

М И Н С К А Я

Ш К О Л А

Литературно-художественное издание
Дмитрий Строцев. БОЛЬШИЕ СТИХИ И МАЛЕНЬКИЕ ПОЭМЫ. 2019.

В поэтической серии «Минская школа» вышли книги Елены Кошкиной «На грани исчезновения» (2002), Дмитрия Строцева «Остров Це» (2002) и «Шаг» (2015), коллективный сборник «Знаки препинания» (2005), Елены Казанцевой «На извозчике едет Алешенька» (2006), Вениамина Блаженного «Верлибры» (2011), Григория Трестмана «Иов» (2014), Михаила Гончарова «Море. Город. Лес» (2018), Ольги Злотниковой «Радогощенский дневник» (2019).
Готовятся к изданию книги Леонида Шехтмана, Надежды Кохнович и коллективный сборник «Поэзия Беларуси в русских переводах».

Серия издается при поддержке компании «Туссон»

Оригинал-макет	Дмитрий Строцев
Корректор	Лилия Брандобовская
Обложка	Сергей Жданович
Верстка	Андрей Демченко
Логотип издательства и серии	Ирина Котова

© Д. Строцев, 2019
© С. Жданович, 2019
© «Новые Мехи», 2019